

Я тебя отпускаю

Автор:

Мария Метлицкая

Я тебя отпускаю

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Как часто то, во что мы искренне верим, оказывается заблуждением, а то, что боимся потерять, оборачивается иллюзией.

Для Ники, героини повести «Я отпускаю тебя», оказалось достаточно нескольких дней, чтобы понять: жизнь, которую она строила долгих восемь лет, она придумала себе сама. Сама навязала себе правила, по которым живет, а Илья, без которого, казалось, не могла прожить и минуты, на самом деле далек от идеала: она пожертвовала ради него всем, а он не хочет ради нее поступиться ни толикой своего комфорта и спокойствия и при этом делает несчастной не только ее, но и собственную жену, которая не может не догадываться о его многолетней связи на стороне.

И оказалось, что произнести слова «Я тебя отпускаю» гораздо проще, чем ей представлялось. И не надо жалеть о разрушенных замках, если это были замки из песка.

Мария Метлицкая

Я тебя отпускаю

Я тебя отпускаю

Ника стояла у окна и смотрела на улицу. Впрочем, улицей это назвать было сложно – окно выходило на узкий канал с мутной водой ярко-болотного цвета. Кстати! А бывает ярко-болотный цвет? Кажется, родные болота были темно-зеленые. А здесь скорее цвет мутного изумруда. Напротив, почти на расстоянии руки, стоял дом. Обычный венецианский дом на сваях, обросших мягкими колышущимися водорослями. К крыльцу, похожему на маленькую пристань, была привязана небольшая лодчонка с мотором. В окна, закрытые плотными ставнями, подсмотреть, как бы ни хотелось, не получалось. А жаль – с детства Ника любила подглядывать в чужие окна. Лучше всего это удавалось в Дании или Норвегии, где вообще не вешали занавесок – смотри кто хочешь, нам скрывать нечего. Но почему-то заглядывать в окна скандинавов было совсем неинтересно: все одинаково, как под копирку, – простые и однотипные белые кухни «привет из «Икеи», скучные молочно-белые, похожие на больничные, светильники. Да здравствует скандинавский минимализм. Слишком просто, слишком удобно и некрасиво, увы.

Ей казалось, что здесь, в этом сказочном и загадочном городе, все должно быть не так. Какой минимализм? Он оскорбителен здесь, в этом месте. Здесь все должно быть совсем по-другому, не так: и мебель, и люстры, и потертые бархатные гардины, пыльные и тяжелые, поди постирай. И старые картины в потускневших тяжелых рамах. И тяжелые хрустальные флаконы с вином, и старые книги в золоченых переплетах. Здесь все – старина. И все – волшебство и загадка. Во-первых, Ника в этом была абсолютно уверена, ну и, во-вторых, фантазировала, конечно. Представляла себе это так: вот-вот, через минуту, с усилием и скрежетом хозяйка откроет проржавевшие от влаги ставни и...

Я был разбужен спозаранку

Щелчком оконного стекла.

Размокшей каменной баранкой

В воде Венеция плыла[1 - Б. Пастернак. Венеция.].

И Ника, любопытная Варвара, увидит все именно так, как себе представляла.

Итак, ее любопытному и жадному взору откроется комната. Нет, даже зал! Именно зал, с высокими, метров в пять, потолками, с тяжелой и длинной, разноцветной люстрой муранского стекла на бронзовых могучих цепях, от которой тысячи разноцветных солнечных зайчиков шаловливо разбегутся по мутной воде канала. Да так шустро, что невольно прищуришь глаза. Мощный дубовый потертый паркет с инкрустацией – ему тыща лет, а ничего с ним не делается. Увидит и темную, приземистую мебель: пузатые комоды с потускневшими от времени и влаги зазеленевшими бронзовыми кручеными ручками, книжные шкафы с толстыми гранеными стеклами, за которыми плотно стоят пахнущие вечной сыростью старинные фолианты в золотом тиснении. Откроются взору крепкие, на гнутых ножках, с затейливо вырезанными спинками и потертой атласной обивкой стулья. И обязательно бюро со множеством изящных ящичков для секретных писем и прочих загадочных, не для чужого взора, затейливых мелочей. И, конечно же, стол – овальный, могучий, из тех, что навсегда, на века. А на нем будет лежать кокетливая, чуть пожелтевшая от времени, кружевная скатерка, любовно вытканная руками местных умелиц. И непременно ваза, высокая, конечно же, муранского стекла, с разноцветными, немного подвядшими, анемонами – фиолетовыми, желтыми, лиловыми, розовыми, ярко-красными и нарядными белыми.

Ставри откроет немолодая, растрепанная, зевающая хозяйка в длинном шелковом, с кистями халате. Она машинально поправит растрепавшие волосы, снова зевнет и выглянет на улицу. Поморщится при виде мелкого, густо сыплющего, так надоевшего дождя, поежится от привычной сырости, поведет круглым плечом, подтянет кисти халата и, разочарованная, уйдет в глубь квартиры – дела. Там, на темной от копоти кухне, завешанной старыми, тусклыми медными сковородками, она в задумчивости замрет на пару минут у огромной старой плиты с тяжеленными чугунными конфорками. На плите будет стоять древняя, плохо отмытая медная джезва. Да и зачем ее отмывать – на вкус кофе это уж точно не влияет. Вся в своих мыслях, медленно она будет помешивать тусклой серебряной ложечкой в джезве и думать о своем. И, конечно, не углядит, пропустит минуту, и кофе с шипением выплеснется наружу.

Она чертыхнется: «Ну вот, каждый раз так!» И, наплевав на подгоравшую гущу – потом, все потом, сейчас главное – кофе, – она перельет его в маленькую и очень изящную старую чашечку с витой ручкой и крошечной, почти незаметной трещинкой с правого боку и наконец усядется за стол.

Синьора будет медленно пить свой первый утренний кофе, терпкий, черный, без молока, и сладкий аромат его станет витать в темной, не слишком опрятной кухне. Но все это ей не мешает – она привыкла к заброшенности, весь этот город производит впечатление немного заброшенного. И ритуал нетороплив и приятен – и неспешное питье, и кусочек поджаренного в тостере хлеба, намазанного клубничным вареньем, и небольшой кусок пармезана – все это примирит ее с сыростью, влажностью и мелким дождем за окном. Ну и с одиночеством – и к нему она тоже привыкла.

Ника улыбнулась, прокрутив эту картинку в своей голове, и поежилась: голые ступни здорово замерзли – каменный пол был холодным – зима, и в номере было холодно. Нет, отопление имелось – низкая и узкая полоска еле теплой батареи стыдливо пряталась за занавеской.

«В душ, – подумала Ника, – замерзла. Не дай бог, разболеюсь. Вот это уж точно будет катастрофа!» И она пошла в ванную, на всю мощь врубила горячую воду и долго, с полчаса, не вылезала, точнее, не решалась вылезти. В большой ванной с окном тоже было прохладно.

Минут через десять все-таки собралась с духом и заставила себя вылезти из-под горячей струи, быстро обтерлась огромным тяжелым полотенцем и встала у длинного и узкого, висящего не над раковиной, как везде было принято, а сбоку, у окна, старого, мутного от пара зеркала. Протерев его ладонью, внимательно посмотрела на себя. Разглядывала себя долго, поворачивалась и так, и эдак. Вытягивала трубочкой губы, делала страшный оскал и смешные гримасы. Потом вздохнула: «Ну что я пытаюсь тут разглядеть, что увидеть? Что появились новые морщины? Но это нормально. В конце концов, тридцать семь, так что все логично».

Ника высушила роскошные и густые волосы, ее гордость и предмет зависти подруг. Правда, как всегда, не до конца, на это ей не хватало терпения. Там, в глубине, в «зарослях», они оставались чуть влажными. Намазала лицо кремом, брызнула совсем чуть-чуть духами, надела гостиничный белый махровый халат и вышла.

Илья спал на спине, широко раскинув руки – красивые, сильные, мускулистые, смуглые, с тонкими, но сильными пальцами. Его руки всегда Нику завораживали. Как, впрочем, и все остальное. «Любовь в глазах смотрящего, – вздыхала мама, – но слишком уж ты в восторге. Пора чуть-чуть приоткрыть глаза». Восторг на

восьмой год знакомства маме казался слегка неуместным, и ее можно было понять – долголетняя и, скорее всего, безнадежная связь с глубоко женатым человеком. Чему уж тут радоваться?

Да, маму можно понять. Но и Нику тоже. Все это называлось любовью. Простое объяснение, куда уж проще. Но этим, как ей казалось, все и оправдано.

Ника смотрела на любимого и размышляла – лечь рядом? Или не тревожить? Илья всегда вставал тяжело, с долгим кряхтением, с недовольным лицом и в отвратительном настроении. Сова, что поделать. И только в отпуске позволял себе дрыхнуть как сурок.

Ника как раз была жаворонком, вставала легко, без сожаления выныривала из снов, приятных и не очень, и тут же приходила в себя. Даже в отпуске в постели не застревала – какое? Когда ждут море и солнце, незнакомая страна и неизвестный пока город? Как можно терять драгоценное время? Она сразу же выходила на балкон, вставала на цыпочки и сладко потягивалась – красота! И тут же начинала любить весь мир. Илья говорил, что она счастливая. Ника, кстати, не возражала.

В отпуск они всегда ездили вместе. Ну или почти всегда, бывало по-всякому.

После душа Ника согрелась, надела тапки и снова подошла к окну – дождь прекратился, но по-прежнему было серо и пасмурно. А в квартире напротив, в которую ей так хотелось подглядеть, уже открыли ставни. «Эх, пропустила, – вздохнула Ника, – опять пропустила! Два дня караулю – и на тебе, снова». Да и разглядеть что-либо в темной квартире было невозможно. Ника снова вздохнула и услышала голос Ильи:

– Ну что, бессонная моя? Давно бодрствуешь?

Она обернулась с улыбкой:

– Давно. С час определенно.

Илья широко, смачно, со вздохом зевнул и приподнялся на подушке. Пошарил рукой на тумбочке в поисках очков и, нацепив их, стал внимательно

разглядывать ее, словно впервые видел.

– Иди сюда, малыш! – Он похлопал по кровати.

С минуту Ника раздумывала, потом вздохнула и жалостливо пропела:

– Ну-у... А завтрак? Мы его почти пропустили. Еще полчаса – и все!

Илья усмехнулся:

– Боишься остаться голодной? Ну ты обжора известная! – Он глянул на часы. – Да и смысла уже нет. Завтраки здесь паршивые, и все наверняка уже подмели. Иди сюда, а потом, – он снова широко зевнул, – пойдем завтракать в нормальное место. Ну или уже обедать, как получится, – рассмеялся Илья. – Иди, ну! Иди!

И Ника послушно легла рядом с ним.

Однажды Илья ей сказал:

– Знаешь, что в тебе замечательно? Ну, кроме всего остального? Твои кротость, уступчивость. Умная такая покорность. Ты не споришь по пустякам, не лезешь в бутылку. Ты... – Он задумался. – Ты человек неконфликтный. А это, знаешь ли, приятно любому мужчине.

«Понятно, – подумала Ника, – значит, его жена скандальная тетка. Спорит по любому поводу. Ну и прекрасно. Вот здесь у нас точно будет по-другому». Она и вправду была неконфликтным человеком. Но здесь решила оглядываться. Тогда еще были большие надежды на то, что он разведется и уйдет из семьи. Но не случилось. Со временем острое чувство обиды и несправедливости отступило, и Ника почти смирилась. Конечно, была долгая и трудная работа над собой. Убеждала себя, что официальный брак и совместное проживание, так же, как и общее хозяйство, вещи не главные, главное – любовь. В это она верила свято. Любовь, взаимопонимание и ощущение своего человека. А это у них точно было.

Ника осторожно прилегла рядом. Илья обнял ее. И в эти минуты все разумные доводы катились в тартарары. Да и какие доводы, господи! Разумных доводов давно не было – оставались одни неразумные.

После, когда Илья откинулся на подушке, положив руки за голову, а Ника пристроилась у него на плече, он спросил:

- Ну что? От голода еще не помираешь?

- Помираю. Вопрос риторический или ты готов к подвигам?

Он притворно вздохнул:

- Готов. А куда мне деваться?

Пока Ника приводила в порядок волосы, которыми Илья всегда любовался, пока красила глаза и губы – чуть-чуть, слегка, соизмеримо утренней обстановке, Илья все еще лежал в постели, и было понятно, что вставать ему по-прежнему не хочется.

Ника обернулась:

- Ну и что дальше? Будем лежать?

Илья нехотя потянулся и сел на кровати.

- Эх, с каким удовольствием я бы сейчас поспал!

И тут Ника разозлилась: господи, да сколько же можно! За окном Венеция, лучший город на свете. Город ее мечты и сладких снов. А Илья? Нет, Ника все понимала – он был здесь не раз. Кажется, два или три. Но какая разница? Тогда он был не с ней. С кем – уточнять не стоит, скорее всего, с женой. Но сейчас они вместе! Он и она! Как можно сравнивать?

Ника резко встала с пуфика, обтянутого когда-то синим, а теперь белесым бархатом, и пошла одеваться.

Илья громко вздохнул и стал неспешно натягивать джинсы. По природе своей он был довольно медлительным, неспешным – даже странно, как ему удавалось существовать в большом бизнесе, в вечной спешке, переговорах, командировках и бесконечных деловых ужинах. По природе Илья был сибаритом, любителем

тишины. А вот Ника – ловкой, стремительной. Всегда торопилась и всегда боялась опоздать. Лежать на диване, когда можно куда-то мчаться: в театр, на выставку, в гости, в кафе? Ей все хотелось успеть. А вот успешной она не стала – так, середнячок, рядовой сотрудник, хороший исполнитель.

– Жду тебя, – коротко бросила Ника и, пытаясь скрыть раздражение, вышла в коридор.

Надо остыть, чтобы не испортить поездку. «В конце концов, – принялась уговаривать себя она, – у нас еще целых пять дней, все наладится. Все наладится, да. И эту поездку Илюша устроил ради меня. Ему сюда не хотелось. Зима, сырость, дождь». Илья действительно уговаривал Нику поехать в теплую страну, в Израиль или на Кипр, или вообще махнуть куда-нибудь в Азию или в Африку, в Марокко, например, или в Тай. Там если не море и не океан, то уж точно солнце и теплый бассейн. Но Ника стояла насмерть – только Венеция. «И вообще, ты обещал!» И он согласился.

Ника всегда умела себя успокаивать и уговаривать, и Илье, кстати, это тоже нравилось.

– Характер у тебя золотой, – говорил он, – нет, правда, не баба, а золото! Как же мне повезло!

– Тебе определенно, – усмехалась Ника. – А вот мне... Не уверена.

– Тебе точно нет! – смеясь, подхватывал он. – Поверь, я-то знаю!

Наконец Илья вышел за дверь – красивый, высокий, ладный. Ее мужчина. Ее любимый мужчина. И это самое главное.

Держась за руки, они стали спускаться по старой мраморной лестнице с кое-где отколовшимися ступеньками, устланной синей ковровой дорожкой. Отполированные тысячами рук мраморные перила, картины с видами города и канала с гондолами – все как положено, старина и ее имитация. За дубовой резной темной стойкой лобби стоял молодой чернокожий мужчина с золотой серьгой в ухе. Вид у него был высокомерный и неприступный. Перебирая какие-то документы, на них он и не взглянул.

– Вот так, – усмехнулся Илья. – Вот такой сервис! Ну где ты видела такое пренебрежение?

Ника промолчала – вот сервис уж точно ее волновал в последнюю очередь.

– Вот именно, нигде! – продолжал Илья. – Ни в Европе, ни уж тем более в Америке! Не говоря уже про Россию. А здесь, – он кивнул на чернокожего за стойкой, – запросто! И знаешь почему? Да потому что им всем давно осточертели туристы! Такой наплыв, такой нескончаемый ежедневный поток. Какой-то всемирный туристический потоп, круговорот – белые, черные, желтые, со всего света. Пятнадцать миллионов туристов за год, как тебе? Ну и зачем, скажи на милость, им запоминать лица временных постояльцев? Зачем быть внимательными и любезными? Зачем улыбаться? Они не боятся потерять работу – гостиницы тут на каждом шагу. Попросят из этой, пойдут в другую. Ты заметила, какое пренебрежение написано на его скорбном лице?

– Нет. А надо было?

Илья махнул рукой и не ответил. Вышли на улицу под моросящий дождь. Илья поежился, поднял воротник куртки, посмотрел на серое, без малейшего просвета и надежды небо.

– Ну, рванули?

Кое-как справившись с зонтиком, Ника поспешила за ним, догнала:

– Иди сюда, под зонт!

Он раздраженно отмахнулся, и Ника почувствовала себя виноватой.

На улице было пустынно. Редкие туристы, в основном японцы, в одинаковых желтых прорезиненных плащах и таких же смешных шляпках-панамках, нацепив на камеры и телефоны целлофановые пакеты или чехлы, с серьезными лицами продолжали снимать достопримечательности.

Каналы были пусты – по-видимому, у гондольеров из-за паршивой погоды был выходной.

Город чудный, чресполосный —

Суша, море по клочкам, —

Безлошадный, бесколесный

Город – рознь всем городам!

Пешеходу для прогулки

Сотню мостиков сочтешь;

Переулки, закоулки, —

В их мытарствах пропадешь![2 - П. А. Вяземский. Венеция.] —

вспомнила Ника и улыбнулась.

Да и магазины тоже были закрыты – светились лишь некоторые, в витринах которых переливались под яркой электрической подсветкой изделия из муранского стекла, главного бренда Венеции.

Илья шел размашисто и быстро, втянув голову в плечи. Шел отстраненно, словно Ники и не было рядом.

Заглянули в небольшой ресторанчик. Обрадованный хозяин бросился им навстречу. Еще бы – в зале они были одни. Было тепло, свет не включали. На темных панелях висели картинки с видами города – бесконечные гондолы, гондольеры с шестами в нарядных костюмах, Гранд-канал, мост Вздохов, площадь Сан-Марко, Дворец дождей, мост Риальто, церковь Санта-Мария-делла-Салюте – все то, что Ника тысячу раз видела на фотографиях и картинках, в журналах и на репродукциях. В музеях и в снах.

Они сели за столик.

«Все хорошо, – подумала Ника. – Я здесь. Вернее, мы здесь! Вдвоем. И впереди целых пять дней. Просто кукусимся из-за погоды. Приехали из слякотной противной московской зимы в зиму другую – сырую, дождливую, влажную. Но я тут, в этом волшебном, удивительном, необыкновенном городе. Сбылась мечта! Только почему так грустно и тоскливо? Наверное, я редкостная зануда и неблагодарная свинья».

Ника попыталась смахнуть тоску, но получилось плохо – печаль не отпускала, и она еле-еле, с большим трудом, сдерживала слезы.

Илья лениво, словно нехотя, изучал меню.

Хозяин стоял у стойки и нервно поглядывал на гостей.

Наконец Илья выбрал стейк по-флорентийски с печеным картофелем, сто пятьдесят коньяка и большую чашку эспрессо. А Нике почему-то есть расхотелось. Но, чтобы не раздражать Илью, заказала омлет, салат с помидорами и, конечно же, кофе. Хозяин обрадованно закивал и, приняв заказ, шустро побежал на кухню.

Они молчали. Опустив глаза, Илья нервно постукивал костяшками по столешнице. Это – Ника знала – означало крайнюю степень раздражения.

«Господи! Да я-то при чем? Нет, правда? Разве я виновата, что такая мерзкая погода? Что холодно и неуютно в номере? Что сотрудник за стойкой проявил к нам неуважение? Что Илье хочется только валяться в постели?» По щеке потекла слеза, и Ника, резко встав, отправилась в туалет. Увидит – будет еще хуже, непременно разразится скандал. Да и вообще она не права – да, виновата! А ведь он говорил, что зима в Венеции – полная гадость! Сыро и ветрено, дождливо и тоскливо. Одним словом – не сезон.

А Ника, кажется, впервые была так настойчива и спорила, не соглашалась: «Венеция – всегда Венеция, в любую погоду! Это моя мечта. Мечта всей, можно сказать, моей жизни. И мне наплевать на погоду! К тому же летом, – выдохнула она, – ты, как всегда, не сможешь. У тебя, как ты обычно говоришь, другие планы».

Крыть ему было нечем – все это была чистая правда. Лето Илья проводил с семьей. Ей доставались октябрь, ноябрь, март или апрель. Что ж, тоже неплохо.

Ника всхлипнула, посмотрела на себя в зеркало, умылась холодной водой и, надев на лицо улыбку, одернула свитер и пошла в зал.

Илья пил коньяк.

– Вкусно? – миролюбиво улыбнулась Ника.

Илья кивнул. Еду принесли быстро, и по зальчику поплыл вкусный аромат свежешареного мяса.

Положив в рот первый кусок, Илья застонал от удовольствия.

– Бо-же-ствен-но! – пропел он. – Это просто божественно! Тает во рту, легче мороженого!

– Ну и отлично! – с облегчением выдохнула Ника и подумала: «Да он был просто голодный! А голодный мужик, знаете ли, совсем не подарок».

Насытившись и выпив, Илья пришел в благостное настроение:

– Ну, малыш, теперь баиньки?

Ника покачала головой:

– Я – нет. А ты как хочешь.

И снова почувствовала его раздражение.

Илья развел руками: дескать, хозяин барин. Но на его лице была гримаса недовольства. Молча вышли на улицу. Ника раскрыла зонт и замерла в растерянности. Погода и вправду была отвратительной, хуже и не придумаешь. Илья с ехидцей поинтересовался:

– Ну что? Не передумала?

Честно говоря, ей тут же захотелось в номер, под одеяло, покрепче прижаться к нему, блаженно закрыть глаза и слушать, как мелко барабанит дождь по стеклу, и, постепенно согреваясь, провалиться наконец в сладкий глубокий сон.

– Нет, не передумала, – твердо ответила она. – Валяться в номере, когда за окном Венеция? – И с плохо скрываеваемой обидой уточнила: – Ну что? До встречи?

Он молча кивнул с равнодушным видом и огляделся.

– Господи, ну что тебе так нравится? Посмотри вокруг: эта твоя дорогая Венеция – просто старая и облезлая кокотка, изо всех сил прикрывающая морщины и дряхлость. Что тебя так восхищает, убей, не пойму! Здесь все пахнет затхлостью и плесенью. Нет, если еще все это подсветить, может, и ничего. А так – извини. Шляться по городу под дождем и умиляться и восторгаться? – Не прощаясь, он развернулся и быстро пошел к гостинице.

Глядя ему вслед, Ника было заплакала, но взяла себя в руки и, отогнав обиду и грустные мысли, стряхнула зонт, огляделась и бодро направилась вперед.

Она вышла с узкой, казалось бы, совсем незначительной улочки – хотя уже поняла: здесь они все узенькие и очень значительные – и вдруг, как по мановению волшебной палочки, оказалась на площади Святого Марка. Это было как в сказке, когда открывается потертая крышка старой шкатулки и ты, немножко робея, вместе с чудом все же ждешь подвоха. Робеешь и предвкушаешь. И еще – очень надеешься. И перед тобой открывается нечто такое, что на пару минут ты просто перестаешь дышать. Да что там – ты в оторопи, ты в недоумении: так бывает? Нет, ты сто раз все это видела на картинах, но сейчас... Сейчас ты стоишь здесь, на этих светлых камнях, выложенных аккуратной елочкой, и пытаешься осознать, что все это, между прочим, XIII век. Ты стоишь под этими арками-сводами, а перед тобой – чудо. Обыкновенное чудо. Ника не чувствовала, как по щекам катятся слезы, смешанные с дождем. Сколько времени она так простояла? Какая разница? Вернул ее к действительности чей-то крик, и, вздрогнув от неожиданности, она немного пришла в себя.

Площадь была почти пустой – голубей, неотъемлемой части пейзажа, не было вовсе: не только люди, но и птицы попрятались от дождя. «Увидеть Венецию и умереть!» – перефразировала она слова классика. И правда, красивее этого города Ника ничего не видела. Высоко задирая голову, Ника шла по площади, разглядывая барельефы, фрески и мозаику, колонны святого Марка и Теодора, часовую башню, здания Старой и Новой прокурации, библиотеку, и вышла на пьядетту – небольшую площадку у канала, предваряющую большую пьядцу. Ника простояла у воды, зеленой и мутноватой, вглядываясь в укрытую дымкой тумана базилику Санта-Мария-делла-Салюте.

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой
Заметают ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

<...>

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое,
Но не тесно в этой тесноте
И не душно с сырости и зное[3 - А. Ахматова. Венеция.]

Пару минут раздумывала, не окликнуть ли ей гондольера, но было так сыро и ветрено, что она не решилась.

Холодный ветер от лагуны.

Гондол безмолвные гроба.

Я в эту ночь – больной и юный —

Простерт у львиного столба[4 - А. Блок. «Холодный ветер от лагуны...»].

У воды она окончательно продрогла и вернулась на площадь. Дождь усилился. Ника спряталась в галерее, под сводами у кафе «Флориан», не решаясь туда войти. Нет, испугали ее не цены, хотя были они, конечно, заоблачными. Но это нормально. Еще бы, посетители там бывали такие, что нечему удивляться: Гёте, Байрон, Казанова, Руссо, Хемингуэй, Модильяни, Стравинский и Бродский. Да и само кафе – место историческое. Его открыли в 1720 году, и оно стало первым местом, где могли собираться и женщины. Бальзак писал – она помнила почти дословно: «Флориан был и биржей, и театральным фойе, и читальным залом, и исповедальней, коммерсанты обсуждали в нем сделки, адвокаты вели дела своих клиентов, некоторые проводили в нем целый день и театралы забегали в кафе в антрактах представлений, даваемых в расположенном неподалеку театре «Ла Фениче

(https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B0_%D0%A4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8

Она стояла, вспоминая строки Бродского: «Площадь пустынна, набережная

безлюдна...»

Все так. Сквозь пелену мелкой мороси Ника смотрела на площадь Сан-Марко, пока не почувствовала, что промокли ноги.

Конечно, промокли – а все желание пофорсить. Надо было надеть резиновые сапоги или боты, а она, дурочка, нацепила сапожки из тонкой кожи – стилига. Ника быстро пошла к гостинице, но заплутала – бесконечные, узкие, похожие друг на друга улочки словно смеялись над ней и водили по кругу. Вымотавшись окончательно, она набрела на небольшое кафе, зашла, села у окна, заказала чай и каштановый торт – что это, интересно? Тут же под столом скинула мокрые сапожки, но все равно никак не могла согреться. «Не дай бог, заболею, – повторяла она, – вот это будет номер! Вот тогда-то и получу от Ильи по полной программе – что-что, а ерничать и подкалывать он умеет».

Водки в кафе не оказалось, и Ника заказала сто граммов коньяка. Залпом, как водку, выпила его, перехватив удивленный взгляд бармена, который спешно принес ей чай с куском торта. Коричневый торт был влажным, пропитанным чем-то чуть горьковатым и немного похожим на шоколадную коврижку, которую в далеком детстве часто пекла мама.

Выпив чаю, она наконец согрелась. Коньяк немного ударил в голову, и стало легко и свободно.

Где-то запели колокола.

Ника смотрела в окно и вспоминала:

Колоколов средневековый

Певучий зов, печаль времен,

И счастье жизни, вечно новой

И о былом счастливый сон[5 - И. Бунин. «Колоколов средневековый...»].

«Все это глупость, – подумалось ей. – Моя бабская глупость. Не послушалась и поперлась в такую погоду! А Илья – разумный человек. Ну кто сегодня пойдет шляться по городу? Только умалишенные, верно. И злюсь я на себя, потому что

сама виновата. И я еще обижаюсь. Все, домой, в номер. Быстро в душ, и к нему под бочок. Под самый любимый на свете бочок – и больше мне ничего не надо. Только бы не заболеть, господи! – повторяла она. – И только бы не заблудиться!»

Заблудилась, конечно. Снова ходила кругами и проклинала себя.

Норов, видите ли, проявила! Столько лет сидела тише мыши и не спорила. И вдруг на тебе! И кстати, почему? Не понимала сама. Уф, наконец родная гостиница! Нашла, слава богу.

Чернокожий красавец у стойки поднял на нее удивленные глаза: сумасшедшая русская! Прогулка в такую погоду! Смущенно, словно оправдываясь, Ника жалко улыбнулась и бросилась к лифту. Невыносимо хотелось под горячий душ и в постель.

Илья лежал на кровати и смотрел телевизор. На экране довольно облезлый старый лев вяло терзал антилопу.

Ника вздрогнула и поежилась: «Господи, ну как на это можно смотреть?» Нет, все-таки мужики странный народ. Станный и кровожадный».

Илья повернул голову и, оглядев ее с головы до ног, ухмыльнулся:

– Ну что, нагулялась? И как оно там? – кивнул на окно, по которому струились струйки дождя.

– Хорошо, – слишком бодро ответила Ника. – Все равно хорошо! Венеция, знаешь ли, прекрасна при любой погоде!

– Ну да, – усмехнулся Илья. – Даже в раю бывают дождливые дни, как же, помню!

Она скинула мокрые сапоги, куртку, влажный свитер и брюки.

– Ну а как ты? Чем занимался?

Блаженно улыбаясь, Илья сладко зевнул и потянулся:

– Я? Да у меня все отлично! Часик поспал, потом заказал кофе. Потом принял душ и вот – лежу и балдею!

Ника бросила короткий взгляд на экран: теперь антилопу терзала уже целая семья, мама-львица и пара «младенцев».

– Ага, балдеешь. Понятно, есть отчего.

Побежала в душ, встала под горячую струю и замерла от счастья – господи, и чего выпендривалась? Здесь же так хорошо!

Заказала чаю с мятой, выпила и уснула. Сквозь сон слышала, что любимый по-прежнему смотрит телевизор. Правда, звук поубавил – ну и на этом спасибо.

Проснулась, когда за окном было темно.

Илья уже спал.

Ника потянулась к нему, осторожно прижалась лицом к его плечу, не решаясь прильнуть всем телом. Он чуть скривился, дернулся, как от щекотки, и перевернулся на другой бок. Ника тяжело вздохнула, легла на спину и стала смотреть в потолок.

Ну почему так грустно? Почему? Человеком Ника была ровным, без рефлексий. Переменами настроения не страдала. Ну и вообще считалось, что у нее прекрасный характер. Что это с ней? Да, погода сущее барахло. Да, она была не права. Но все равно за окном Венеция и они вместе, только вдвоем! Илюшка, родной и любимый, рядом – ну что еще надо?

Спать, спать. А что еще делать?

Проснулась она в следующий раз, оттого что услышала тихий, приглушенный разговор – его голос доносился из ванной. Осторожно, боясь, что заскрипит старый рассохшийся пол, подошла к двери – всего-то полтора шага. И замерла, превратившись в сплошное ухо.

Да, нехорошо. Да просто отвратительно, что уж тут! Ее воспитывали совсем иначе: Ника никогда не залезала к нему в телефон, не заглядывала в его ежедневник. Никогда, честное слово! Никогда не интересовалась подробностями его семейной жизни. Нет, кое-что, разумеется, знала: женат он пятнадцать лет, на однокласснице, первая любовь. Через два года после свадьбы у них родился сын, через четыре родители построили им кооператив. Ну а дальше – гарнитур, автомобиль. Одним словом, семья. Жили по-разному, в том числе и материально, бывали и тяжелые времена.

Но он сумел сделать карьеру, создал на паях консалтинговую компанию, раскрутился и стал обеспеченным человеком. Все сам, все один, без чьей-либо помощи. Жить стало веселее – появились деньги.

Про его жену знала только, что ее зовут Татьяной. Про сына чуть больше – мальчик Ваня, лентяй и обалдуй. Нормально, сейчас они все такие. Да, есть еще теща, Виолетта Леопольдовна. Как имечко, а? Леопольдовна занимается отпрыском, кажется, больше, чем мама. Мама типа работает – впечатление именно такое, именно типа. Три раза в неделю эта Татьяна в юридической компании товарища своего мужа консультирует граждан по вопросам разводов. И, скорее всего, особо не утруждается. Но это не наше дело, как говорится. Хотелось бы Нике одним глазком взглянуть на эту Таню, законную, так сказать? На этот вопрос ответить сложно. И да, и нет. Да, потому что любопытно. Нет, потому что страшновато. А вдруг этот юрисконсульт окажется писаной красавицей, а значит, шансов на то, что он в один прекрасный день с ней разведется, совсем нет?

Говорил он тихо, и слышно было отвратительно. Но вдруг повысил голос:

– Поезжай с бабушкой! Поезжай с бабушкой, я тебе сказал! Свинья ты, Иван! Мать неделю в больнице, а ты...

Ника отпрянула от двери. Выходит, его жена неделю в больнице, а он уехал с любовницей развлекаться, шляться по ресторанам, любоваться красотами, валяться в постели.

Сердце часто забилося, и она, как учила мама, сделала три глубоких вдоха и выдоха. И немедленно юркнула в постель – спит она, спит, не просыпалась.

Илья еще долго не выходил из ванной, и Ника почувствовала запах табака и очень удивилась: курить Илья бросил пару лет назад и теперь хватался за сигарету крайне редко, при очень сильном волнении.

Вышел, не глянув на нее, подошел к окну, стоял долго, минут десять, и наконец обернулся.

Ника потянулась, делая вид, что просыпается.

Открыла глаза и улыбнулась:

- Привет.

Дуться и обострять ситуацию не хотелось – ему и так сейчас невесело.

Илья молчал, внимательно разглядывая ее, напряженно о чем-то думая.

Или ей показалось?

Наконец спросил:

- Ну что, выспалась? Может, закажем ужин? Очень хочется есть.

Ника обрадованно закивала и стала внимательно изучать меню.

Салат капрезе, прошутто, чиабатта и бутылка красного вина.

Легко и изысканно.

Перекусили, и Илья, молчаливый и раздраженный, опять включил телевизор.

Ника уютно пристроилась у него на плече. Он чуть приобнял ее, но она видела, чувствовала, что он не здесь, далеко. Что же, все понятно, если дома такие дела. Но почему он уехал с ней в Венецию, а не остался в Москве?

Так и уснул, «безо всяких там домогательств», как грустно пошутила про себя Ника. Ей не спалось. Понятное дело – выпалась. И снова крутила все в голове – Илья не остался с больной женой. Уехал с любовницей. Сволочь? Ну, наверное, да. Впрочем, может, с женой не так все и страшно. Хотя вряд ли ложатся в больницу по пустякам.

Илья так любит ее? Так любит, что поехал с ней, а не остался, несмотря на проблемы, дома? Так любит и так дорожит, что боится ее огорчить, зная, как долго Ника мечтала об этой поездке? Нет, вряд ли – она хорошо его знает. Вряд ли он так боялся ее расстроить.

Ведь отменялись же несколько раз поездки и рушились планы, когда были сложности на работе? Выходит, эта законная просто его мало волнует и ему на нее наплевать? Но он же живет с ней, не уходит! И все-таки она его жена, мать его сына. И человек в беде, в больнице. А он – здесь. С ней. С любовницей.

«Да какое мне до всего этого дело? – Ника попыталась уговорить себя саму. – Какое мне дело до этой Татьяны-юристка, этого мальчика Вани и этой, по всей видимости, совсем непростой Виолетты Леопольдовны? Я и они – две параллельные жизни, параллельные и не пересекающиеся! Конечно, мне его жалко. Настроение у него хуже некуда. Из-за болезни жены или из-за черствости сына? Ладно, проехали, – продолжала себя уговаривать она. – Это не мое дело. Я здесь, в Венеции! И Илья рядом со мной. Со мной, а не с ней, между прочим. И нечего думать о чужих людях».

Но почему она не ликует по этому поводу? И почему же ей стало еще тоскливее, еще муторнее? Почему на сердце так скребутся противные кошки?

Дождь моросил всю ночь без остановки. В пять утра она все же уснула. Проснулась от шума воды – Илья был в ванной.

Подскочила к окну: да, снова дождь. Свинцовое небо затянуто плотно, без щелочки просвета. Впрочем, по прогнозу было именно так. А Ника так надеялась, что метеорологи, как всегда, ошибутся!

Илья вышел из душа и улыбнулся. Слава богу!

– Ну что, детка, как настроение? Планы такие – плотный завтрак, много черного сладкого кофе. Десерт, если желаете. Ну а дальше, милая, в номер. Увы! Кстати, ты, детка, не разболелась?

– Как видишь, цела. Я пойду гулять. Не могу сидеть здесь, в номере! Когда за окном...

– Ясно, – перебил ее он. – Бунт на корабле продолжается. У тебя, случаем, не ПМС? Ну что ж, твой выбор! – И усмехнулся: – Мы свободные люди!

– Я – точно! – не удержалась Ника.

Илья, кажется, разозлился. «Ну и черт с тобой, – подумала Ника. – Целый день в номере – ну уж нет, извините! Смотреть «Планету животных», эти кровавые страсти? Правильно сказала – я свободный человек. В отличие, кстати, от него самого!»

Ника быстро оделась, подкрасилась и у двери обернулась:

– Не волнуйся, я перекушу по дороге!

– А я и не волнуюсь, – не поворачивая головы, равнодушно ответил Илья и повторил: – Хозяин барин.

Ника зашла в обувной магазин – благо, совсем рядом, за углом, – и купила резиновые сапоги ярко-красного цвета, с золотистой шпорой на пятке. Там же – зеленый дождевик, других, увы, не было.

Глянула на себя в зеркало: ну чисто попугай! «Ну что ж теперь вперед! – сказала она себе и бодро шагнула на улицу, повторяя: – Теперь не страшны нам ни буря, ни ветер!» Только бы не заплакать. Правда, слез ее никто бы и не заметил – дождь лил беспрестанно, и капли воды попадали на лицо. Прохожих почти не было, да и кому до нее дело – бредет какая-то сумасшедшая в красных сапогах с золотой шпорой и в ярко-зеленом плаще.

«Нет, все понятно, – снова размышляла Ника. – Настроение у него отвратное. Жена в больнице, сынок, как всегда, чудит. Ну и вдобавок – погода»

нашептывает. И тут я со своими обидками и выпендрежем. К чему он, надо сказать, не привык. Я ведь всегда была для него отдушиной, утешительницей, тихой радостью, как он говорил. И раньше казалось, что моя тактика – единственно правильная: там – скандалы, здесь – благодатная тишина. Там – попреки и претензии, здесь – восхищение и благодарность. Там – бесконечные требования, в том числе – и материальные. А здесь... Здесь – ничего! Ни разу, за все долгие восемь лет, я не намекнула ему о своих проблемах! А они, разумеется, были. И разного, надо сказать, калибра. Но всегда справлялась сама».

Нет, жадным Илья не был – ни-ни! На духи, билеты в театр, совместные поездки, какую-то недорогую ювелирку денег никогда не жалел. Но ни разу не спросил, нужны ли ей деньги. Ни разу. Даже когда болела мама. А расходы там были огого. Ничего, взяла кредит. Справилась.

Наверное, хорошо, что не предлагал ей денег, – ее дурацкая щепетильность, их семейная щепетильность, возведенная в немыслимый ранг, все равно не позволила бы их принять. Да Ника бы сошла с ума, если бы пришлось взять у него деньги.

Подружки смеялись и считали ее полной дурой. Любовник? Да это его прямые функции и обязанности! Тем паче что Илья – человек, по нынешним временам, состоятельный.

Но было так, как было.

Обид на него у нее точно не было. На фоне «чудесного» настроения вспоминались и другие вещи, куда более важные.

После полутора лет их страстного романа Ника залетела. Терзалась, сказать ли Илье. Боялась его реакции. Подруги уговаривали ребенка оставить: «Тебе к тридцати, чего ждать? Увидишь, уйдет из семьи! Или не уйдет, но точно не бросит. Поможет ребенка поднять».

Мама... Мама все время плакала и увещевала дочь, что делать аборт в таком возрасте – преступление. В конце концов, их двое, уж как-нибудь вытянут! И ее мама растила одна – отец ушел, когда ей было полгода. Словом, не привыкать. Но после долгих раздумий аборт все же сделала. Почему? Да только себе Ника

могла сказать правду – боялась. Боялась, что он уйдет, просто разозлится на ее самовольство и уйдет. Откажется от нее. Тогда у них был все еще затяжной конфетно-букетный период. Самый сладостный период познания друг друга и чудесных открытий. И тут на тебе.

Да, боялась его потерять. Дура? Наверное.

Может, тогда бы все изменилось и поменялось. Илья очень был влюблен, очень. Срывался с работы среди бела дня, чтобы только ее повидать, – пусть на полчаса, на десять минут. Ждал ее после работы, чтобы просто отвезти домой. Потом они долго стояли в подъезде и, как глупые подростки, никак не могли расстаться.

Переписывались по ночам: «Ты как? Спишь? А я уснуть не могу, скучаю».

Ника захлебывалась от счастья – дождалась! А уже ведь почти не верилось! Нет, романчики были, конечно. Но все полная чушь: сопливые, инфантильные мальчишки-ровесники, маменькины сынки с потными и липкими ладонями и мокрыми губами. Все не то, не то, это было понятно. Почти смирилась. Ну не всем выпадает истинная любовь! А если это случается, то только раз в жизни. Вот мама, ее чудесная, замечательная мама. После ухода отца – ни одной попытки устроить свою судьбу. Почему? Да сама не хотела! Кавалеров, кстати, было хоть отбавляй в любом пансионате, в экскурсионных поездках – они с Никой изъездили всю Россию плюс Кавказ и Прибалтику, на впечатления денег не жалели. Мама говорила, что лучше сэкономить на тряпках и на еде, чем на впечатлениях и путешествиях. Умница мама. Так вот, мужики на маму слетались, как пчелы на мед. И неудивительно – она была красавицей. Зеленоглазая брюнетка, сохранившая фигуру и стройные ноги. Мама кокетничала, флиртовала, посмеивалась над ухажерами, но чтоб завести роман? Подросшая дочь искренне удивлялась: «Мам, почему? Ну чем плох, скажем, этот? А тот? Ведь вполне приличные дядьки!» А Олег Константинович, мамин начальник? Уж он увивался лет десять, не меньше! Высокий, седовласый красавец, к тому же умница, интеллигент. Правда, женатый.

Мама отрезала: «С семейным не свяжусь никогда, это табу. Как вспомню, что пережила после ухода отца! Нет, никогда. Кем бы он ни был». У мамы были моральные принципы. А у Ники, выходит, что нет. Однажды обмолвилась: «Твоего отца я любила так, как больше никогда не случится. А зачем мне другое? Нет, не хочу». Глупо, конечно. Ладно, замуж не надо – Ника и сама этого

не хотела по причине подросткового эгоизма. Чужой мужик придет в их с мамой дом? Конечно бы, не возразила и не препятствовала, но, если честно, то не дай бог.

Но ведь необязательно жить вместе. Чем плохо просто иметь близкого человека – защитника, друга, поддержку. Но мамин максимализм, щепетильность и интеллигентность зашкаливали.

Осуждала ли мама ее? Наверное. Впрочем, не сказала ни слова. Такт и мудрость – в этом была вся мама. Как она плакала после Никиного возвращения из больницы! Но ничего не сказала, видела, как плохо дочке. И все, на этом тема закрылась.

Спустя лет пять, к чему – Ника уже и не вспомнит – у мамы вырвалось:

– Ах, как бы было хорошо нам втроем! Представляешь, если девочка, внучечка?

– Три девицы под окном, – усмехнулась дочь. – Ага, весело, аж жуть.

Но поняла: мама мечтает о внучке. Но больше шанса не представилось. Ни разу – как отрезало. Пару лет Ника предохранялась, а потом перестала, но ничего не получалось – скорее всего, причина была в неудачном аборте.

Ну и смирилась. О ребенке старалась не думать – не всем же дано. Значит, у нее такая судьба.

Илья так и не узнал о том аборте. «Не хочешь омрачить его существование и тревожить и так нечистую совесть? – усмехнулась подруга. – Боишься напярчь? Господи, какая же ты идиотка! Когда ты усвоишь: чем больше мужик за бабу переживает, чем больше в нее вкладывает всего – понимаешь? – нервов, денег, физических и душевных сил, тем дороже она ему становится. Почему не уходят от постылых и нелюбимых жен? А потому, что вложено много времени, сил, здоровья. Ну и бабок, конечно! Вот и выходит, что бросить жалко. Такие затраты! А ты? Идиотка».

Все так, подруга права. Но что тут поделаешь? У нее было так, а не иначе.

Но иногда думала: «А если бы? Если бы тогда решилась и оставила? Может, и вправду жизнь бы сложилась иначе и Илья все же ушел бы из семьи. Ведь он и вправду тогда был страстно влюблен и говорил, не мыслит без меня жизни».

Кто знает, что бы было – человеческая судьба, как и история, не терпит сослагательного наклонения. Жалела ли Ника об аборте? Жалела. Только сама не решалась себе в этом признаться. А если бы они расстались тогда? Вот этого она бы точно не пережила.

Ну, значит, все правильно.

«Что меня так понесло? – недоумевала она. – Ведь я все понимаю. И даже пытаюсь, как всегда, его оправдать.

Откуда столько слез, господи? Так и рыдаю вместе с дождем». Слезы лились сами собой, а ведь она не из плаксивых. А тут обиды накатывали, как снежный ком. Все ему припомнила, все! А ведь раньше почти не обижалась – сама выбрала такую судьбу, на кого обижаться? Все понимала. Ну или старалась понять. А сейчас? Сейчас вдруг совершенно неожиданно для нее самой он, ее дорогой, ненаглядный, неповторимый Илюша, предстал обычным, скучноватым и капризным, не очень честным, хитроватым – словом, обычным гулящим мужиком! Да что там – вруном. Как он мог уехать в такое время, как мог оставить жену? А может, Ника его разлюбила?

Ника шла по узеньким улицам, слизывая бесконечные соленые, перемешанные с дождем слезы, и жалела себя.

Дождь то усиливался, пугая отдаленными раскатами грома, то утихал, словно посмеивался: сколько ты еще выдержишь? Улицы были по-прежнему пустынными. Выходило, что дураков, кроме этой странной, заплаканной, бредущей наугад женщины в дурацких красных сапогах с золоченой шпорой и нет. Правда иногда попадались японцы, неутомимые, жадные до впечатлений. Вот этих точно ничего не страшит. Они смешно жались друг к другу, как мокрые воробьи, и щебетали на своем птичьем языке. Наивные и немного смешные, упорные и любознательные, главные путешественники планеты Земля.

Зашла в кафе согреться. Кофе, круассан – здесь он назывался «бриошь».

Было вкусно, тепло и тихо. Разморило, и Ника старалась изо всех сил справиться с внезапно навалившейся усталостью и желанием закрыть глаза – хоть клади голову на стол и спи. Вернуться в отель? Ну вот еще. Показать ему, что он прав? Нет, без боя не сдастся! Ника быстро расплатилась и выскочила на улицу – прохлада и сырость ее непременно взбодрят!

Зашла в магазинчик стекла. Ну какая же красота невозможная, эти изделия из знаменитого стекла! Но и цены, правда, кусаются. Влюбилась в синюю муранскую черепаху в золотистых, розовых, голубых и зеленых разводах.

За ней внимательно и серьезно наблюдал продавец, синеглазый, жгучий брюнет, высокий и красивый, как бог, ну просто готовая модель для любого подиума! Нет, правда – не оторваться! И что, интересно, он делает в этой лавке? Увидев, что Ника любит черепахой, улыбнулся:

– Я вижу, вам понравилась тартаруга? Красавица, верно? И знаете, синьора, – он ослепительно улыбнулся, – блу тартаруга приносит счастье. Кстати, она мастерица на неожиданные сюрпризы!

Ника усмехнулась: «Конечно! Сейчас ты, милый, мне такого наплетешь, что с собой не унесу. Я девочка взрослая, в сказки не верю, прости. Но смешно: тартаруга! Так мы тебя и назовем, дорогая!» Вертела так и сяк и не выдержала, разорилась и купила. Девяносто евро! Кошмар. Но знала – мама не осудит. «Какая красота! – воскликнет она. – И правильно сделала! Шмотки сносятся, а это останется на века. Будет стоять и радовать. И память к тому же».

И они действительно радовали, все эти немислимой красоты египетские верблюды из пахучей кожи, деревянные тайландские слоны с крошечными бивнями из натуральной слоновой кости, милые голубоватые фигурки знаменитой фирмы Lladro из Испании, тоже купленные, кстати, за безумные деньги, серебряные статуэтки скрипачей из Иерусалима, сувенирный кальян из Стамбула и прочая чепуха, привезенная и купленная на сэкономленное на кафешках, рынках и магазинах тряпья?

Только кому будет нужна эта память после того, когда их с мамой не станет? Родственников у них, считай, нет: какие-то троюродные сестры в Череповце, да и виделись они пару раз в жизни.

«Завещаешь знакомым, – грустно шутила мама. – Ну или просто кому-то отдашь».

Но пока-то мы есть! И сине-золотая черепаха встанет на сувенирную полку рядом с верблюдом и скрипачом! И они с мамой еще долго будут любоваться всей этой ерундой. «И все-таки, – вздохнула она, – немыслимая расточительность, да. Лучше бы купила... – Ника задумалась. – Что, кстати? Нет, все правильно, прочь сомненья!» И, улыбнувшись, упрятала свою тартаругу на самое дно сумки – не дай бог что-то отколетя. Настроение, надо сказать, немного улучшилось. Подойдя к кондитерской, потянула носом: ах, какие запахи! Одуреть! Корица с яблоками, горячее тесто и, кажется, ром! Прошла было мимо, но тут же вернулась. И черт с ними, с лишними килограммами! Удовольствия превыше всего! В конце концов, она в отпуске! У витрины стояла долго – раздумывала. Решиться было и вправду сложно – выбор огромный, да и красота немыслимая: свежая малина на подушке из нежных сливок, залитые прозрачным желе синие сливы, золотистые персики, полукругом уложенные на песочное тесто. И орешки в глазури с шоколадной крошкой, и просто круассаны с чем угодно. Выбирай!

Наконец выбрала: два с малиной, два с земляничным желе, ром-баба и круассан с шоколадом. И тут же заторопилась в отель. Сладенной Илья был известным, значит, обрадуется! Ну и окончательное перемирие и ее полная капитуляция, два в одном, так сказать.

В отеле равнодушного негра за стойкой сменила девушка с татуировкой на щеке: голова льва, символа Венеции. «Однако, – усмехнулась Ника, – вот это патриотизм налицо. Точнее, на лице!» Там же, на стойке, попросила два кофе в номер. Девушка кивнула, не переставая жевать жвачку.

Не дожидаясь лифта, Ника легко вбежала на третий этаж.

Илья по-прежнему лежал в кровати и листал журнал.

Увидев ее, нахмурился:

– Нагулялась?

Ника улыбнулась, радостно кивнула, сбросила куртку и сапоги и протянула коробку с пирожными:

– Смотри, какая прелесть! А сейчас будет кофе! Ну вставай, поднимайся, лентяй! Сейчас будет пир!

Помолчав с минуту, словно раздумывая, стоит ли продолжать обижаться, он усмехнулся:

– Ну пир, значит, пир.

Принесли кофе, и Ника ловко накрыла на стол.

Сидели молча. Илья не делился впечатлениями, не причмокивал, не закатывал в восторге глаза и не хвалил ее за сюрприз. «Сдержанность – хорошее качество для мужчины, – усмехнулась про себя Ника. – Ну и черт с тобой». А после кофе решила похвастаться – вытащила свою тартаругу и с улыбкой протянула ему:

– Ну? Как тебе? Хороша? Не смогла удержаться. Правильно сделала?

– Наверное. Ты же знаешь, в этих вопросах я не силен.

Нике почему-то стало обидно. Почувствовала, как снова закипают слезы. Ну разве сложно было порадоваться вместе с ней? Но волю слезам не дала – резко встала и стала убирать со стола. Выходит, что крепко его задела, когда ушла одна гулять по дождливому городу. «Ну и черт с тобой, – подумала Ника. – У тебя свои обиды, у меня свои. Грустно одно: опять у нас с тобой что-то не получается».

Когда вернулась из душа, Илья лежал в кровати и смотрел телевизор. Тихо вздохнув, сняла халат и легла рядом. Они лежали на расстоянии десяти сантиметров друг от друга, и между ними была трещина, проем, ущелье глубиной в двести метров – не перескочить, не переехать. Ника отвернулась и закрыла глаза. Спустя пару минут Илья выключил телевизор, погасил ночник и заворочался, укладываясь поудобнее.

Ника почувствовала, как напряглось ее тело – спина, плечи, руки и ноги. От напряжения она немного дрожала. Но вдруг Илья осторожно, всем телом, прижался к ней, и, вздрогнув от неожиданности, Ника чуть расслабилась и постепенно оттаяла, размякла, растеклась, словно подтаявшее мороженое, но повернуться и встретиться с ним взглядом боялась. Боялась обнаружить свою радость и счастье.

Он крепко прижал ее к себе, и все вернулось на круги своя.

Никуну затопило нежностью, накрыло горячей волной счастья и абсолютной, необсуждаемой любви. Повернувшись к Илье, она обняла его за шею.

Прошептала: «Любимый мой. Самый лучший. Единственный. Только ты! Прости меня, а? Ну что-то меня понесло... Бывает, правда?» Ника почти собралась с духом, как в ту же минуту завибрировал и запищал телефон.

Он дернулся:

– Черт! Как всегда, вовремя!

Но звонок не проигнорировал и, глянув на экран, где высветилось имя звонящего, вскочил с кровати и бросился в ванную.

Ника откинулась на подушку и закрыла глаза. В эту секунду почувствовала себя опустошенной и обессиленной, такой усталой, будто разгрузила пару вагонов, и еще чудовищно, безвозвратно разочарованной.

«И так будет всегда, – подумалось ей. – Всегда, пока мы будем с ним вместе».

В ванной Илья перешел на громкий крик – не услышать его было невозможно. Было понятно – кричит на сына.

– Да разве так можно? Мать вторую неделю в больнице, а ты ни разу не выбрался к ней! Дел у тебя много? Как же, дела у тебя важные, не сомневаюсь! Какие, не перечислишь? А, уроки! Ну ты эти сказки оставь для бабушки! Замолчи, слышишь! И оправдания твои мне не нужны! Сегодня же, понял! С бабушкой или без! Но чтобы сегодня!

Минуту было тихо, видимо, мальчик Ваня пытался оправдываться.

Ника положила на голову подушку – слушать это было невыносимо.

Спустя пару минут Илья вошел в комнату красный как рак, разъяренный.

– Спишь? – спросил он раздраженно.

– Тут, пожалуй, уснешь. – Ника отвернулась к стене.

– Извини, – скупо выдавил он, – семья, понимаешь ли...

Ника резко села на кровати.

– Понимаю, как не понять? Прости за то, что лезу не в свое дело, а что, собственно, с твоей женой? Серьезные проблемы?

Илья удивился ее вопросу, густо покраснел, плюхнулся в кресло.

– Да так, ерунда, обследование.

– Обследование, – кивнула Ника, – понимаю. А вот насчет ерунды... Знаешь, мне кажется, просто так, из-за ерунды, в больницу не ложатся, извини.

– За что? – удивился он.

– Что лезу не в свое дело, – повторила Ника. – Но ты мне выбора не оставил. Если только прикинуться глухонемой.

– Ты права. Это ты меня извини.

– Послушай, а разве нельзя было отложить эту поездку? Перенести? Чтобы ехать со спокойной душой, с уверенностью, что все хорошо? Когда не болит душа за близких?

– Хо-ро-шо? – по складам повторил он. – А ты вообще понимаешь, как у меня хорошо? На работе проблемы. Партнер, – он чертыхнулся, – партнер мой, милый Дима Орланский, которого я, если ты помнишь, вытащил из фантастического дерьма, кажется, что-то замыслил. И, как понимаешь, не подарок к моему дню рождения. Жена? Да, у нее проблемы, как ты изволила выразиться. Что-то нашли, что-то подозревают. Очень надеюсь, что все обойдется. Очень, – повторил он, встал и подошел к окну. – Сын... Да, сын... Тут тоже проблемы, увы. Учиться не хочет, школу прогуливает. Врет постоянно. – Он почти перешел на крик и повернулся к ней. – Врет, понимаешь? Все время врет, даже по пустякам! Там, где это вообще не имеет смысла! Зачем, не понимаю! Вот искренне не понимаю: зачем? И это бесит меня больше всего! Да, кстати! Еще и деньги таскает! Нет, ты прикинь, из бабкиного кошелька, из моего. Что остается? Метить купюры? А для чего? Чтобы сдать его ментам? Поставить на учет? И ведь сволочь такая, – Илья усмехнулся. – Никогда и ни в чем мы ему не отказывали, понимаешь? Никогда и ни в чем! Чего ему не хватало? Тряпья? Да навалом! Айфон? На, зайнька! Седьмой надоел? Вот восьмой! А дальше будет девятый! Потерпи еще годик, малыш. Чего еще надо, не знаешь? Вот и для меня это большая загадка.

– Слушай, – сказала Ника дрогнувшим голосом, – ну ты же знаешь, так часто бывает. Перебесится, возраст такой! И все придет в норму, я тебя уверяю! Ну в кого ему быть... – Ника запнулась.

– Да ни в кого! – закричал Илья. – В самого себя, понимаешь? Сейчас они все такие – оторванные! Безбашенные, шибко смелые. И ни хрена не боятся – знают, гады, что их прикроют! Бабки дадут и прикроют – от армии откосят, в институт пропихнут. В конце концов, от ментов отмажут! Мажоры, блин! Сопляк! Четырнадцатый год, а наглости... Ты спросишь, кто виноват? А я тебе отвечу – мы, родители! Родаки, по их выражению! Пихали и в рот, и в жопу – нате вам, получите! Жалели, охали. Хотели дать всего и побольше – у нас же такого не было, правда? Так пусть будет у мальчика! А этот мальчик... – Он безнадежно махнул рукой и устало плюхнулся в кресло. – Бабке хамит, а она, между прочим, его больше всех балует и покрывает его делишки. В больницу к матери так и не съездил.

– А школа? – тихо спросила Ника. – Вы были в школе?

– Школа? – усмехнулся Илья. – Как же, были. Директриса знаешь что ответила? «Сейчас они все такие. Да не волнуйтесь вы так, кривая вывезет!» Кривая! Ты

понимаешь, кривая! А для чего я пахал все эти годы, не скажете? Для чего все тогда: частные школы, педагоги эти, все удовольствия? А если не вывезет эта кривая? Туда, куда надо, не вывезет? Куда надо вывозит прямая, правда ведь? А кривая на то и кривая, чтобы вывезти криво, разве не так? По всем законам физики! К тому же жена, – от волнения он закашлял. – Депрессия у нее, понимаешь? От всех этих дел и подозрений... Ну, о нас с тобой. Ладно. – Он попытался выдавить из себя улыбку и хлопнул рукой по колену. – Что я тебя грузу, честное слово! Рассопливился, как полный мудака, извини. И так у нас с тобой в этот раз, – запнулся он, – как-то не очень, правда?

Ника подошла, обняла его за голову и крепко прижала к себе. Осторожно кивнула:

– Да, как-то не очень.

– Но я не мог отложить эту поездку. Ты так мечтала о ней, так долго ее ждала!

– Мало ли о чем я мечтала и чего долго ждала, – вздохнув, усмехнулась Ника. – Пережила бы и это.

И подумала: «Да не во мне дело, не надо рассказывать байки. А то я тебя не знаю. – Ты... Ты просто сбежал – от больной жены, от проблем! Не меня, себя пожалел. И все у тебя виноваты партнер, сын, теща. Жена. Я, наконец». И возникшая было жалость тут же исчезла – как не было. Остались раздражение и злость. Да, да, именно злость. Кстати, совершенно несвойственное ей чувство.

– Извини, – повторил он, смущаясь своих неожиданных откровений. – Достал меня сын, вот я и сорвался. Не выдержал. Остапа понесло, извини.

Надо признать, что нытиком и жалобщиком Илья никогда не был. Стараясь сгладить неловкость, он притворно повеселел:

– А ужин? Глупо его игнорировать, правда?

Ужинать ей совсем не хотелось, аппетита как не было. Да и парочка пирожных сделали свое дело. «Зря я их съела, – подумалось ей. – Что-то подташнивает». И снова навалилась адская усталость, просто руки не поднять. И ко всему прочему

разболелась голова. «Все-таки заболеваю, – печально констатировала она. – Нашлялась, Илья прав. Проявила самостоятельность. Взбрыкнула, покорная лошадка. Вечная терпеливица и жалельщица».

– Закажи еду в номер, – предложила Ника, – совсем не хочется выползать на улицу, Илюша. Извини.

– Нет, давай все-таки выберемся! – продолжал настаивать он. – Залежались мы с тобой, совсем раскисли. Ну под зонтом, малыш! К тому же, – он улыбнулся и кивнул на вешалку, – у тебя есть роскошный дождевик и сказочные резиновые сапоги! Ну что? Одеваемся, детка? И не страшны нам ни буря, ни ветер!

«Господи, – подумала Ника, – как же мы совпадаем! В голову приходит одно и то же. Единение душ, прости господи. Только зачем?» И все же настояла на своем:

– Нет, не пойду. Неохота, устала. И веселиться не хочется, и изображать елку в цирке. И делать вид, что все хорошо. Надоело. Да и на душе очень пакостно. И потом, я действительно себя отвратительно чувствую. – Легла, укуталась в одеяло и отвернулась.

Понимала, что он обиделся. Замолчал и больше не уговаривал. И ужин в номер заказывать не стал. Размолвка так размолвка, по полной. Чего мелочиться?

Лег с краю, отодвинувшись от нее на самую дальнюю, как только позволила двуспальная кровать, дистанцию. Включил телевизор – спасибо, что на тихий звук. Перед сном подумала: «Ноги крутит, руки ноют, как батогами избили, точно заболеваю. Кстати, а что такое батоги? Надо завтра спросить у Гугла».

За ночь ни разу не обнялись – небывалое дело. Такого, кажется, раньше не было. Даже когда ссорились, обижались друг на друга, дулись – никогда. Ночь их всегда мирила. Стоило только прикоснуться друг к другу. Это было не только непреодолимое желание и страсть – эта была потребность, необходимость ощутить близость самого родного и любимого человека.

«Ладно, – убеждала себя Ника, – я не здорова, он расстроен, все объяснимо, живые люди. Как-то все обойдется».

Проснулась рано, за окнами только-только расплывался сероватый и мрачный, смазанный, тусклый рассвет. Втянула носом, кашлянула – горло не саднит, нос не заложен. Кажется, все нормально, спасибо, господи, пронесло! И правда, тело не ломило, руки, ноги не ныли. Кажется, было хорошо – словом, ура! Настроение у нее улучшилось – теперь все будет нормально, с сегодняшнего дня.

Упрямитесь и обижаться она больше не станет. Ну и капризничать тоже. Ника подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы, почти одновременно распахнулись гардины в окне напротив, и чья-то рука приоткрыла окно. Следом показался нечеткий женский силуэт. Чуть наклонившись, женщина осторожно выглянула в окно.

Была она молода, скорее всего, ее ровесница – немногим за тридцать. На ней была слишком большая, свободная, белая, явно с чужого плеча, футболка. Голова острижена коротко, почти под ноль. И этот короткий стоячий ежик был ярко-синего цвета.

«Ничего себе, – усмехнулась Ника. – Вот тебе и немолодая, увешанная тусклым золотом дама с растрепавшейся за ночь прической, в тяжелом бархатном халате с кистями».

На минуту отвернувшись, женщина появилась вновь. Теперь уже с сигаретой. Облокотившись на подоконник, синеголовая увидела любопытную мадам в окне напротив и, улыбнувшись, приветливо ей махнула.

Нике стало страшно неловко, как будто ее застали за чем-то неприличным. Хотя это и было неприлично – подглядывать в чужое окно. И ведь не объяснишь свои фантазии! И не извинишься.

Ника выдавила из себя улыбку и неуверенно кивнула в ответ.

Но синеголовая уже на нее не смотрела – повернув голову, громко выговаривала что-то невидимому обитателю или обительнице загадочной квартиры.

Она уже почти кричала, и было понятно, что она очень раздражена и недовольна. Бросив сигарету на улицу – ого, ну и нравы! – громко захлопнула окно и скрылась в квартире. Вращаясь, окурочок медленно приземлился и, словно лодочка, радостно подхватился, поспешил по мутно-зеленой воде канала.

Из квартиры напротив доносился громкий и явно немирный разговор.

«Все как у всех, – со вздохом подумала Ника. – Везде и на всех языках». Только собралась отойти от окна, как оно вновь распахнулось и появился молодой мужчина с обнаженным торсом. Надо сказать, что торс этот был ого-го! На крепких, мускулистых руках незнакомца синели и краснели густые витиеватые татуировки – дань нынешней моде.

Татуированный, поигрывая смуглыми, сильно накачанными бицепсами, почти вывалился из окна.

Ника стояла за занавеской, почему-то не в силах оторваться от обитателей квартиры. Свет зажегся, и она наконец увидела комнату, совсем небольшую, полукруглую. На гладко-белых стенах беспорядочно висели картины без рам – что-то современное, то, что Ника никогда не любила – холодное, бездушное, геометрическое. Кубы, квадраты, круги, кривые изломанные линии – безжизненная пустота. И не старайтесь выдать подобное за шедевр – Ника все равно не поверит.

С потолка свисала одинокая и безжалостно яркая лампочка-галлогенка. И никаких тебе венецианских люстр, никаких потертых тяжелых комодов. Никаких канделябров, бюро, оттоманок, потускневшего хрусталя и позеленевшей, покрытой патиной бронзы. Не было и немолодой, одинокой, разочаровавшейся в любви хозяйки.

Ничего этого не было – все это придумано ею. Никакой загадки – два молодых, явно хиппующих человека и унылая, неуютная, полупустая, холодная квартира.

Вот и получи, фантазерка.

Испытав нелегкое разочарование, Ника задернула шторы. Еще одно. Надо взрослеть, дорогая, возраст сказок прошел.

Закинув руки за голову, Илья смотрел на нее,

Ника смутилась, покраснела и рассеянно улыбнулась.

– Ну что, – спросил он, – подглядываешь? А ты вроде никогда не была любопытной.

– Да ну... – Ника смущенно махнула рукой. – Просто нафантазировала себе черт-те что. А все оказалось не так...

– Ну... – Илья широко и сладко зевнул. – Обычное дело, что тебя удивляет? Всё наши фантазии.

– Да, – согласилась она, – ты прав.

Кольнуло сердце, и вновь стало невыносимо грустно. И почему? А ведь они почти помирились...

А за окном монотонно лил докучливый дождь.

Сходили на завтрак, заглянули в парочку магазинов, купили какой-то копеечной ерунды вроде карнавальных масок и колокольчиков на подарки коллегам.

Снова зашли в кафе, выпили кофе с пирожными, о чем-то непринужденно болтали. Словом, изо всех сил делали вид, что у них все нормально, все по-прежнему. Но это было не так. Оба – а это было заметно – чувствовали: что-то изменилось в их отношениях.

Вечер был тихим, домашним, и они с удовольствием смотрели древний фильм с Гарри Купером под легкое белое винцо, закусывая его отменным прошутто и дивной полужидкой горгонзолой.

От вина и вкусной еды Нику сразу сморило, а Илья еще долго листал журнал и время от времени залезал в телефон. Ждал сообщений?

Среди ночи она проснулась и посмотрела на него: Илья спал беспокойно, постанывая, резко переворачиваясь с бока на бок, и на его лице была гримаса отчаяния, даже боли, словно эти перемещения доставляли ему страдания.

Она смотрела на него долго, внимательно, вглядываясь в такое знакомое и родное лицо, словно пытаясь что-то понять.

«Вот, – думала Ника, – рядом со мной лежит самый родной человек на свете. Самый любимый. Незаменяемый, так мне всегда казалось. Я не могла и представить никого рядом, кроме него. За все эти восемь лет я не посмотрела ни на одного мужчину – мне они были просто неинтересны. Я скучала по нему ежедневно. Если мы не виделись несколько дней, мне казалось, что дни эти прожиты зря, потому что без него. Все эти восемь лет я замирала от восторга и счастья, когда он меня обнимал, когда я слышала его голос и улавливала его запах. Меня бросало в дрожь от его прикосновений. Мне нравилось в нем все. Я не замечала его недостатков. Точнее, не хотела их видеть, так мне было проще. Меня не мучила совесть, что мой любимый женат. Не мучила, правда! Потому, что я знала: главное – любовь. Важнее нет ничего. А у нас эта любовь точно была. А все остальное... Его семья, их с женой общий стол и общая постель, их ребенок – все это не главное. Ну есть и есть, так получилось. Там сплошное вранье, здесь все правда. Я никогда не старалась увести его от семьи, честное слово! Мне было достаточно того, что у меня есть. Я твердо была уверена: у меня есть то, чего нет у нее. Выходило, что я богаче. И счастливее. К тому же мне не врут и обнимают меня по желанию, а не по принуждению. Там сплошные обязанности и обязательства, здесь одни радости и абсолютное счастье. И никаких обязательств, вообще никаких! Так я думала все эти годы. Что же изменилось теперь, почему у меня появились сомнения? Или это только дурацкое настроение, неважное самочувствие и поломанная, не оправдавшая моих ожиданий поездка?»

Ника лежала без сна, уставившись в темный потолок, на котором бликовала вода, подсвеченная старым, ржавым фонарем.

Восемь лет назад она поставила крест на семье, детях, семейном уюте, общей квартире и общих делах. Да, дела у них были разные – у нее свои, у него свои. Общими у них были только их встречи. Восемь лет встреч, коротких и не очень. Нет, только коротких – ей всегда не хватало нежности, объятий, времени.

Подруги не оставляли ее в покое, подсовывая кавалеров и женихов. Парочка, надо сказать, была совсем неплоха. Например, Виктор из Саратова, двоюродный брат подружки Лерки. Вполне приличный мужик, сорокалетний, разведенный, бездетный. И внешне неплох, и совсем не дурак. Да и ухаживал красиво, не придерешься: цветочки, кафе, билеты в театр. Встретились раза три. Уговорила все та же Лерка, позвав для поддержки в таком важном деле Машку, другую верную подружку. И что? Да ничего. Томила, как Пенелопа, при появлении очередного жениха – скорее бы сбежать! В конце концов стало окончательно

понятно: нет. Он, слава богу, все понял и больше не беспокоил. Лерка, кстати, на нее обиделась: такие женихи на дороге не валяются, дура!

Следующим был Генрих, племянник маминой подруги. Тоже вполне ничего, симпатичный, нотариус, не бедняк. И снова мимо. Сидели в дорожном ресторане, ели вкуснейшую дорадо, пили замечательное вино, и Ника думала о том же: скорее бы домой.

Он все понял с первого раза, видя ее равнодушные, пустые глаза, и, к счастью, больше не позвонил. Все правильно, такие мужики на дороге не валяются. И цену себе знают отлично. А ей того и надо.

А вот его, своего Илюшку, она готова была ждать всегда, каждый день. Пусть не свидание, а звонок и короткий, пустой разговор. Ей хватало. Пусть встреча в машине, всего-то на десять минут. Пусть чужая постель в случайной квартире. И пресловутые чужие простыни – пусть, какая разница? Кстати, по случайным квартирам мотались три года, а потом у них появилась «своя» – съемная, разумеется.

Но как же она была счастлива! Бросилась покупать постельное белье и подушки, полотенца и покрывала, посуду и кастрюли.

А еще вазочки, крокусы в горшках, коврик при входе, халаты в ванной, тапочки, зубные щетки, шампунь – имитация семейного дома. Жалкая, надо сказать, имитация.

Тогда поймала себя на мысли: «Получается, вью гнездо?» И тут же отмела ее: «Да нет же, нет! Как любая нормальная женщина, пытаюсь создать элементарный уют». Врала себе. Врала, что ничего ей не нужно, что всего достаточно. Ладно, что врала всем, – пустяки, все врут друг другу. Врала себе. А это самое страшное, потому что теряешь себя.

Какие глупости: «Мне ничего больше не надо, и меня все устраивает». Какую нормальную женщину это может устроить? Квартира на пару часов, чужая кушетка. И чужой муж.

Кстати, их первое настоящее свидание случилось зимой, в январе, на холодной и полупустой даче его приятеля. И почти до самого лета эта самая дача была их

любимым прибежищем. Маленький финский домик в поселке Кратово: три елки у забора, несколько осиротевших обнаженных яблонь, остов парника, сарайчик с садовым инвентарем.

Зима была суровой, но домик, как ни странно, оказался теплым – печку топили раз в сутки. Кстати, откопали в сараюшке мангал и жарили на нем мясо. Выяснилось, что шашлык среди зимы ничуть не хуже, чем летом. А может, им тогда все нравилось... Потому что было одно сплошное счастье. А в марте вдруг начались дожди – небывалое дело! И вся весна была страшно дождливой, словно природа перепутала, отвлеклась на что-то и вместо положенной весны вдруг наступила осень. А им было все равно: снег, мороз, дожди! Они вообще тогда выбирались из кровати на полчаса, перекусить или выпить чаю. И еще они мечтали, чтобы эти дожди продолжались все лето – им огородов не разводить! А вот чадолюбивое семейство приятеля тогда на дачу не переедет. Но в начале июня дожди прекратились, и пришлось покинуть гостеприимную дачку. И начались кочевки по разным углам и гостиницам. Иногда уезжали из Москвы.

И ничего ее не раздражало, ничего – ни случайные кемпинги и гостевые дома со стойким запахом чужого блюда, ни гостиницы «на час», где в номере с бордовым шелковым покрывалом уж точно должна была бы оскорбиться девушка из приличной семьи. Ну или хотя бы посмеяться. Ее все устраивало. Так почему же так раздражает сейчас?

В чем она может его упрекнуть? Он всегда был честен и никогда не обещал ей уйти из семьи. Сначала «маленький ребенок, неработающая жена» – тогда юрисконсульт Татьяна еще была домохозяйкой.

– А почему твоя жена не работает? – удивилась Ника. – Это же скучно! Тем более что ребенком занимается бабушка.

Увидела: вопрос ему не понравился.

– Это, детка, наше семейное дело, – жестко ответил Илья. Но тут же спохватился: – Тебе это надо? Зачем тебе чужая головная боль?

Обиделась, но виду не подала. Но на всю жизнь усвоила – эта территория обозначена флажками. И за эти флажки – ни-ни. Никогда.

Было еще и такое: пару лет назад в случайном разговоре осмелилась дать совет по воспитанию ребенка. Совсем невинный, пустяковый. Но снова вляпалась. Он ответил грубо, незаслуженно грубо. Несправедливо был резок. За что? Обиделась страшно, два дня не брала трубку – немыслимая история.

В чувство привела мама:

– Ты знала, на что шла. Или принимаешь, или нет. Вот от этого и пляши.

Но если честно, было совсем не до плясок. Совсем.

Зато окончательно и навсегда урок этот усвоила: никогда. Негласно подписываешь пакт на «необиды» и молчание и всегда готова к недоговоренности, уловкам, хитрости и обману. И ни к кому, кроме самой себя, претензий быть не может.

Утром чуть-чуть посветлело, и, хотя солнца по-прежнему не было, небо, слегка очистившееся от туч, давало слабую надежду.

После кофе в номер – идти вниз совсем не хотелось – Илья объявил, что сегодня уж точно никуда не пойдет.

– Во-первых, – он втянул носом воздух, – у меня, кажется, насморк. А во-вторых, мне надо работать, детка. Дела накопились, прости. Сама, а? Ну как-нибудь? – И язвительно хихикнул: – Тебе же не привыкать, верно? Да и осталось два дня, слава богу.

Она поняла: хочет остаться один. Но это «осталось два дня, слава богу» ее смертельно обидело. Но тут же начала его оправдывать. И вправду, что хорошего? Номер этот, с поблекшим венецианским шиком, с запахом затхлости и плесени, такой сырой, что влажными были и постель, и носильные вещи. Эта убивающая серость и мрак за окном, бесконечный дождь и промозглый ветер и ей надоели чертовски! Так на что обижаться – на правду? Вот, ей-богу, смешно! Ей самой очень хотелось домой! В Москву, в здоровый январский морозец и белый пушистый снежок, в родную квартиру с центральным отоплением, в свою в самую уютную на свете постель! В свой душ с местами отвалившейся плиткой – ремонт надо делать, ремонт! А они с мамой все собираются. К своим книгам, настольной лампе, зеркалу на стене. Ей даже захотелось на работу, честное

слово! К своим девчонкам, к разговорам, к сплетням, к вечному «чайку и кофейку» со сдобными булочками. Впрочем, какие уж тут булочки. С булочками, кажется, пора завязывать. В зеркале в ванной она увидела, что поправилась. Еще бы, бесконечные пирожные, круассаны, пиццы и макароны! Она тяжело вздохнула. Вот, нажрала. Это-то быстро: пара дней – и несколько килограммов. А потом попробуй их сбросить! Два дня. И слава богу, что два!

Но и эти два она проведет как хочет.

Ника быстро оделась, примирительно чмокнула Илью в щеку и радостно выскочила на улицу.

Дождя не было, была легкая морось, мелкая и теплая, совсем ерунда. Она пошла на пристань, взяла билетик на вапоретто, который отплывал на остров Мурано. Полупустой пароходик проплывал мимо кладбища Сан-Микеле, острова Святого Михаила Архангела, на котором лежал Иосиф Бродский, ее любимый поэт.

По лицу текли слезы. Господи, да что с ней?

Через сорок минут, чуть покачиваясь на шатком мостике-причале, Ника сошла на берег.

На каждом шагу были лавки, лавчонки, магазинчики и магазины со знаменитым стеклом – статуэтки, бесчисленные вазы и вазоны, салатники, чашки и тарелки, бокалы и сахарницы, часы, наручные и настольные. Светильники, люстры, канделябры и ночники. Ожерелья и браслеты, кулоны и крестики.

От этого пестрого великолепия слегка рябило в глазах. Ника переходила из лавки в лавку, все они были пусты, и заскучавшие продавцы оживлялись при виде ее, но, прекрасные психологи, немедленно теряли интерес, моментально распознавая, что покупатель из Ники никакой, из разряда «так, поглядеть». Интерес теряли, но вежливо и приветливо улыбались, такая работа.

Снова не удержалась – поди справься с собой! – и купила два граненых винных бокала из темно-рубинового стекла, тяжелых, устойчивых, равновесных, каких-то основательных и солидных. Под вино, ей и маме. Под грузинское киндзмараули или ахашени, терпкое, сладковатое, пахнущее виноградом и солнцем. С пару минут подумала и купила еще два – ну мало ли, девчонки

зайдут. Такая красота, не оторваться, жалко из рук выпускать.

С довольно тяжелым пакетом – ого, это вес, однако! – вышла на улицу и обомлела: вот чудеса. На просветлевшем нежно-голубом небе смущенно проглядывало беловатое, робкое солнце. Оно словно раздумывало, сомневалось: а стоит ли? Вы, кажется, уже смирились с зимой и дождями.

За час с небольшим Ника обошла островок, забредая во дворы и в соборы, удивилась тому, что устала, и присела в кафе. Выпив кофе и переведя дух, решила продолжить путешествие. Когда еще выпадет такая возможность? Да и погодка способствует! На разноцветный остров Бурано паром отходил каждый час.

Выйдя на пристани Бурано, застыла от восхищения: неужели такое бывает?

Игрушечный, словно нарисованный, городок вдоль узкого канала, разноцветные, чуть кривобокие домишки, будто склеенные между собой. Горбатые мостики, старинные вывески и кружева. Кружева в каждой витрине, в каждом окне. Нежнейшие буранские кружева, известные всем и всякому. Скатерти, скатерки, салфетки, занавески, перчатки, шали, воротнички. Белые, бежевые, цвета чайной розы, палевые, нежно-желтые и разноцветные.

«На что же способны людские руки!» – восхищенно думала Ника. Ах, как хотелось купить эту немыслимую прелесть! Еле себя остановила – зачем, куда? Салфетка на столик, скатерть? Вроде ни к чему. Занавески? Во-первых, занавески у них висят. А во-вторых, дорого. Что говорить про полупрозрачные перчатки или затейливые воротнички? Увы, это прекрасно, но по нынешним временам абсолютно неносибельно – новое модное слово.

Почувствовала, что проголодалась, села в кафе, взяла сэндвич и чай. Глянула на телефон – пусто. Странно, но Илья ни разу не позвонил, хотя уехала она четыре часа назад. Очень странно – обычно он нервничал, беспокоился и звонил по многу раз.

Скорее всего, работает или уснул, успокаивала себя Ника. И все-таки странно.

Успела вернуться на последнем вапоретто. Дождя не было, но густо-серые, плотные тучи не покидали Венецию.

К гостинице шла медленно, как на каторгу. Да что это, господи? Слезы эти. Капризы. Обиды. Что это с ней? Да она сама себя не узнает! Можно представить, что думает Илья! А ведь сегодня был такой замечательный день! И погода способствовала, и положительных эмоций и впечатлений было достаточно. И друг от друга они отдохнули! И надо бы бежать, торопиться да просто нестись к нему! А опять такая тоска...

Ника поняла, что совсем не хочет видеть Илью. Совсем.

«Что со мной? – недоумевала она. – Да что вообще происходит? Пять дней назад я была счастлива. Счастлива, что мы выбрались сюда, вместе. Так долго собирались, а все не складывалось, и вот наконец получилось. Как я ждала этой поездки! Мы и Венеция! Еще в самолете ощущала себя самой счастливой – держала его за руку, клала голову на плечо, мурлыкала что-то, ласлилась. А что случилось потом, здесь? Что такого произошло? Меня разочаровал этот волшебный город? Нет, ни разу – даже в такую погоду он был прекрасен. Получается, дело в Илье? А что, собственно, нового? Да, он устал и не хочет впечатлений. В конце концов, он был здесь три раза, к тому же он расстроен, у него неприятности. Я обиделась, что он не захотел разделить со мной этот праздник?»

Да если по-честному, то бывало и так. И на пляж я ходила одна, и в одиночестве гуляла по приморским городкам, и ездила на экскурсии. Да, бывало. Но всегда торопилась вернуться, всегда невыносимо скучала и считала минуты до встречи. Всегда мечтала рассказать обо всем, что увидела, поделиться впечатлениями, все обсудить.

И главное, я на него не обижалась! Ну, устал, ну хочет поспать, поваляться – большое дело!

Илья действительно много работает, а я всегда жалела его и не злилась. Всегда спешила к нему. Так что же случилось сейчас?»

Ника нарочно замедлила шаг, чтобы оттянуть время.

Ах, как было бы здорово, если бы она пришла в номер, а там никого нет.

Как не хочется разговаривать, выяснять отношения, делиться впечатлениями. Ничего не хочется, ничего! Просто принять душ и рухнуть в кровать.

Выходит, и у Ильи то же самое. За весь долгий день он так и не позвонил. Значит, не волнуется и не сучает. А может, вредничает? Хочет проучить за самовольство, норовистость и своеволие? Странно, такого ведь раньше не было... Все странно, все. И все непонятно.

Ника вошла в отель и, не поднимая глаз, прошла мимо стойки рецепции. Какая разница, что о ней подумают! Медленно поднялась на свой этаж. У двери остановилась. Собралась с духом и... открыла дверь. Никого не было. Ника стояла посредине номера и не знала, что и подумать. Пошел перекусить? Да, скорее всего. Но почему не позвонил, не черкнул эсэмэс? Не подождал, в конце концов? Наверное, обиделся, даже наверняка. По правде сказать, вела она себя... не очень, Илья к этому не привык. Она больше не женщина-радость, женщина-покой и женщина-«я-все-понимаю-и-не-имею-претензий».

Все эти четыре дня рядом с ним была просто женщина – с капризами, жалобами и недовольством. Которая не скрывала настроения и женских глупостей: слез, нытья, обид.

Она перестала держать лицо и стала обычной. Стала самой собой.

«Ну что ж, – облегченно выдохнула Ника. – Это даже к лучшему. Приму душ, лягу в постель и наверняка тут же усну. Господи, как я устала! А если не успею уснуть, то притворюсь спящей, чтобы обойтись без разговоров и выяснений. Их и так было более чем достаточно. Более. Кажется, за всю нашу общую восьмилетнюю жизнь мы так много не ссорились, не обижались и не дулись друг на друга. А ведь Илья прав – слава богу, остался всего один день! Никогда я так не рвалась домой. И никогда мне так не хотелось остаться одной, без него. Никогда».

Она приняла душ, согрелась, надела теплую пижаму и рухнула в постель. Уснула тут же. Сквозь сон услышала звонок.

Нашарила трубку, открыла глаза – Илья.

Ну, слава богу – вспомнил, что она есть.

Услышала гул и шум.

- Что? - переспросила Ника. - Где-где?

Окончательно не проснувшись, она не могла понять, что происходит, переспрашивала:

- Повтори, слышишь? Слышно ужасно!

Дошло наконец. Илья в аэропорту - пришлось срочно выехать.

- Да, неприятности - плохо с женой. Почему не позвонил? Не хотел портить экскурсию, настроение. И вообще не хотел ломать тебе день. Глупости? Я так не считаю. Глупо обижаться, Никуш, когда я думал исключительно о тебе. Да и остался один день, правда? Ну как-нибудь, а? Как-нибудь проведешь его одна. Я ничего не мог поделать, прости. Обстоятельства. Я потом все объясню. Билет взял, да. Повезло, вылет через сорок минут. Ну, ты справишься? Я не волнуюсь?

Ника молчала, переваривая происходящее.

- Справлюсь, - наконец ответила она. - И ты не волнуйся. Я привыкла справляться одна. Да и здесь я была одна - ты не заметил? Да ладно, не обращай внимания. Это я так, от неожиданности и от растерянности, извини.

- Да, кстати, - оживился Илья. - Деньги в сейфе, надеюсь, тебе хватит. Там достаточно, слышишь? Бери, не стесняйся, покупай все, что захочется!

- Спасибо, - усмехнулась Ника, - большое спасибо. Конечно, я справлюсь, не сомневайся. Всего-то один день, ты прав! И он пролетит так же быстро, как все остальное. Ты, главное, не переживай. За меня не переживай, ладно? Езжай с легким сердцем и делай свои дела. Я взрослая девочка, я разберусь. Что забыл? Синий свитер? Конечно, прихватю, о чем ты? Вот за свитер еще волноваться! Ну и за деньги спасибо. Правда, мог бы не беспокоиться, у меня есть.

Он говорил что-то еще, но шум аэропорта перекрывал его голос.

– Послушай, – оборвала его Ника. – Лети спокойно, я все поняла! Хорошего полета и быстрого разрешения всех проблем! Все будет хорошо, не беспокойся. Все наладится и встанет на свои места. Конечно, в Москве созвонимся, о чем ты? Да, да, прилечу и сразу, не сомневайся, позвоню тебе, да. Пришлешь водителя? Да не надо, не беспокойся, я возьму такси. И из дома позвоню, разумеется. И вообще позвоню! – засмеялась Ника. – И свитер, и я, все прибудет по расписанию. – И она нажала отбой.

Странно, но ей стало легче, как будто камень свалился с души, вот ей-богу. Легче, оттого что одна, что не увидит его, что завтра весь день ее и ничего не придется объяснять. И еще не надо будет прикидываться, что у них все хорошо. И не придется оправдываться.

Ника сладко потянулась, широко и громко зевнула, улыбнулась, повернулась к стене, поуютнее укуталась в одеяло. Ах, как хорошо! Как хорошо и спокойно! Но уснуть не получалось. Она поняла, что очень, просто зверски, проголодалась. Ничего удивительного, в последний раз перекусила на Бурано, кофе и сэндвич, всего-то.

Ужин заказала в номер. Не поскупилась – креветки в сливочном соусе, чесночные гренки, бутылка кьянти и малиновая панна котта на десерт.

Оглядев все это гастрономическое великолепие, ужаснулась: «Боже, и это на ночь? Да я обезумела!» Но съела все до крошки, ничего не оставила. Правда, вина выпила совсем мало: к алкоголю всегда была равнодушна. Вот тут сразу и потянуло в сон. Даже поднос с тарелками не вынесла за дверь, вырубилась мгновенно. Проснулась от тошноты. Господи, неужели траванулась? Еле добежала до унитаза. Ну вот, устроила себе праздник живота, идиотка. Получай! Теперь будешь весь день валяться. Вот тебе и последний день. Невыносимо пахло вином и едой. Выставила поднос в коридор, распахнула окно. Стало чуть легче. Но комната моментально выстудилась, и Ника тряслась и дрожала под одеялом, как при высокой температуре.

Куталась и проклинала себя за легкомыслие. Только бы к завтрашнему дню оклематься. Слава богу, рейс поздний, вечерний. Даст бог, успеет прийти в себя.

Провалялась до обеда, про еду даже думать было противно – тошнило. Выпила чаю и кое-как собралась, последний день, грех проваляться в постели. Глянула

на себя в зеркало. Как говорит мама, краше в гроб кладут.

Посмотрела в телефон: пусто, Илья не написал ни строчки. Впрочем, ему не до нее: больница, жена. Возможно, вообще что-нибудь плохое. Ох, не дай бог! Его жене Ника никогда не желала плохого, честное слово.

И вдруг пришло в голову: у Ильи две жизни, основная, семейная, и совместная с Никой, второстепенная, побочная. А у самой Ники жизнь одна. И она связана с Ильей. И эта их жизнь – тайная и, выходит, не очень приличная, раз ее надо скрывать.

Господи, ну какая же чушь, немедленно одернула себя Ника. Нет, определенно что-то с башкой. Может, ПМС, Илья прав? Глянула в календарь – да, так и есть! Точнее, опять неполадки. После того аборта эта сфера вообще прихрамывала. Конечно, Ника лечилась, и какое-то время все было нормально. Ну а потом все снова пошло наперекосяк, стало сбиваться, и она махнула рукой.

Какая разница?

Ника вздохнула, положила тон на лицо, чтобы хоть как-то прикрыть нездоровую бледность. Подкрасила губы, глаза, стало немножко получше, и пошла на улицу. Последний день, хватит кукситься.

Ярко светило солнце. Нет, ну надо же, а? Пять дней мерзкой погоды, а тут на тебе – солнце и голубое, без единого облачка, небо. Как назло, ей-богу! Мутноватая вода переливалась, серебрилась и бликовала на солнце. Все здорово, но уже без Ильи.

Ника снова стояла на площади Сан-Марко и замирала от восторга. Да, Илья был прав: освещение – это все, получается совсем другая история! И собор, и Дворец дождей, и здание библиотеки – все это сейчас было нежно-золотистым, в перламутровой дымке, в серебристом тумане от влаги, подсвеченном кобальтом неба.

И голуби – вот они, истинные хозяева площади! – дружно высыпали и, громко курлыкая, важно, с достоинством, дефилировали по брусчатке.

Ника дошла до маленькой пьядетты, подошла к воде и махнула скучающему гондольеру. Тот, не веря своему счастью, тут же встрепенулся, приосанился, разулыбался:

– Синьора хочет прогулку? Ох, как я счастлив! Сейчас вы увидите рай! Чего хочет синьора? Полчаса или час? – Его подвижное лицо истинного плута стало похоже на маску печального Пьеро.

– А какие варианты? – засмеялась Ника – Ну, предлагайте!

Гондольер оживился и стал перечислять:

– О, синьора! Маршруты разные, все зависит от кошелька. По Гранд-каналу, мимо музея Пунта-делла-Догана и Салюте, боковые каналы и театр «Ла Фениче», палаццо Корнер делла Ка'Гранда, ко дворцу, где останавливался великий Моцарт во время карнавала 1771 года. Моцарт, синьора! Вы меня слышите? Церковь Сан-Моизе, дворцы Мочениго, Гарзоне, площадь Сан-Поло. Любой ваш каприз! – И тут же скорчил грустную гримасу. – Но если вам, моя госпожа, не подходит, то можно и покороче. Вся наша жизнь зависит от кошелька, дорогая синьора! – улыбнулся хитрец.

Ника улыбнулась и кивнула:

– Ну если не вся, то...

– То почти вся! – перебил он.

И они рассмеялись.

Уговорились: Гранд-канал и все остальное по разумению синьора гондольера.

– Надеюсь, вы меня не надуете, – вздохнула Ника. – Говорят, все здесь страшные... – Она запнулась, подбирая слова.

– Жулики! – радостно закивал гондольер. – И вы правы, синьора! Но это в сезон и для всех остальных! А сейчас мы скучаем. Да и для такой синьоры, как вы... – Он помог ей забраться в шаткую лодку, усадил на красное бархатное сиденье,

заботливо укрыл толстым пледом. – Синьора, зима, не дай бог, заболете!

Наконец они двинулись в путь. Лодку покачивало, и Нику слегка затошнило: с детства она не переносила качелей и аттракционов – слабый вестибулярный аппарат. Да и это дурацкое отравление. Слава богу, что еще так!

Но лодку гондольер вел умело и осторожно, ловко и плавно огибая углы зданий и причалы.

– Слава богу, синьора, что зима и нет туристов. А в сезон, – он покачал головой, – не протолкнуться, ей-богу! – Болтал он без умолку, как заправский гид, кивал на проплывающие дома. – Здесь, дорогая синьора, жил великий Марко Поло. Вы только представьте! А здесь, в этом доме – вы не поверите, – Тинторетто, синьора! Смотрите – направо, направо! – здесь – сам маэстро Вивальди!

Ника усмехалась, не очень-то веря: знаем мы ваши штучки, вы изрядные болтуны! Впрочем, все эти люди бывали в Венеции, так что можно не удивляться!

Гондольер корчил смешные рожи, делано обижался, когда Ника с недоверием качала головой, но тут же принимался смеяться. И вдруг запел:

– Калинка-малинка, малинка моя! Правильно меня научили, синьора? Ох, русские туристы такие отчаянные! Как никто другой, поверьте, синьора! Всегда при бутылочке и всегда веселятся! И громко, – он поморщился, – не обижайтесь, но очень громко поют. На них оборачиваются, а им все равно! Нет, правда, синьора. Им абсолютно все равно, что о них думают, верно? А русский язык такой резкий, синьора! Ну просто воронье карканье. Вы не обиделись?

Ника рассмеялась:

– Да нет, я это слышала, так многие говорят. Да и по сравнению с итальянским: вы же не говорите – поете. И насчет веселья вы правы.

Становилось все прохладнее, солнце медленно опускалось за горизонт, освещая прощальным, гаснущим бледно-розовым светом дома, колокольни, соборы, мостки и причалы.

От мерного всплеска воды ее укачало, и захотелось спать. Ника закрыла глаза и, кажется, на пару минут задремала. Но тут же встрепенулась, стряхнула с себя сон и открыла глаза. И вдруг из них брызнули слезы:

– Господи, какая же красота! Застывшая вечность, покой. И, несмотря ни на что, спасибо, господи, что я это увидела!

Гондольер сделал серьезное лицо.

– Понимаю, синьора. Вы не стесняйтесь, такая красота, сердце не выдерживает! Мне самому часто хочется плакать! Живу тут всю жизнь, а привыкнуть сложно! – И деликатно протянул бумажный платок.

«Счастье», – подумала Ника и улыбнулась сквозь слезы.

– И как вы живете здесь? Среди всего этого? Среди этой красоты, истории, древностей? – обратилась она к гондольеру

– Человек ко всему привыкает, синьора. И к красоте, и к уродству. И к сырости, и к дождям, и к палящему солнцу. И к хорошему, и к плохому. Ко всему, что его окружает. Иначе не выживешь, верно?

Ника кивнула, и вдруг ей стало нехорошо, так нехорошо, что уже не сдержаться, тошнота подкатила к горлу, закружилась голова, и она наклонилась над мутно-зеленой водой. Гондольер притормозил, с испугом посмотрел на нее, протянул бутылку воды и вдруг, подняв палец вверх, улыбнулся:

– О, синьора! Бамбина? Рогаццо, синьора? Феминуция? А, синьора?

– Что? – не поняла Ника. – О чем вы, господи? – И, густо покраснев, тут же забормотала неловкие извинения, стала оправдываться: – Это болезнь, отравилась, ну и еще укачало. Ради бога, простите, так стыдно, кошмар!

Лодочник засмеялся:

– Нет, синьора! Я все вижу. Это не болезнь, а даже наоборот. Поверьте, я знаю! Я отец четырех детей! И все – мальчики, вы представляете? С ума можно сойти,

верно? А вы не больны, дорогая синьора, не прикидывайтесь. Меня-то вы точно не проведете!

Ника замахала руками, но тут же решила, что спорить с ним бесполезно, да и ни к чему. И так неловко. И она прервала разговор.

Наступили сумерки, и стало совсем зябко, не спасал даже плед, и Ника попросила гондольера закончить экскурсию.

Он явно обрадовался, и Ника увидела, что ее гиду явно под пятьдесят, и наверняка ему хочется поскорее домой, к своей пышной черноволосой синьоре и к шумным мальчишкам, к горячему ужину и рюмочке граппы, чтобы согреться.

От воды тянуло зябкой сыростью, остро пахло тиной и вечерней прохладой. Они причалили, и лодочник, сама галантность, подав ей руку, пожелал всего лучшего. В его глазах прыгали черти.

Ника протянула ему деньги, и он шутливо поклонился:

– Ого, а синьора щедра!

– Что вы, – улыбнулась Ника, – разве есть цена счастью?

Они пожали друг другу руки, и Ника поспешила домой. У отеля, в доме напротив, она увидела узенькую дверь аптеки. Остановилась, задумалась, никак не решаясь зайти.

Решилась.

Держа в руке коробочку с тестом, почти влетела в номер.

Быстро разделась, рванула в туалет.

Он был прав, этот многоопытный папаша, жуликоватый и лукавый лодочник! Еще бы – четверо детей, это вам не шутка, знаете ли! Как сомнамбула, села на кровать, не выпуская полоску с тестом. Вдруг вздрогнула, подскочила и как подорванная снова бросилась в туалет.

Повторный тест оказался таким же.

Ника вернулась в комнату, легла на кровать, погасила ночник, и горячие соленые слезы рекой полились по щекам.

Зазвонил телефон, после небольшого раздумья, она сняла трубку.

– Как я? – переспросила Ника. – Хорошо! Я очень хорошо, да, честное слово. Странный голос? Да нет, просто устала. Ага, гуляла, да. Долго. Каталась на гондоле почти два часа. Говорю тебе, просто устала! Как себя чувствую? – Ника на секунду задумалась. – Да замечательно я себя чувствую. Все хорошо, честное слово! Да нет, не так, все просто отлично! Домой? Конечно, хочу, а ты сомневался? Да, последний день, слава богу. Нет, честно, я не скучала, совсем не скучала, поверь! День провела с пользой и удовольствием. И ни капли не злюсь, честное слово! И не обижаюсь ни капли. А что у тебя? Все как-то... образовалось? Нормально? Я счастлива, честно! Ну я тебя поздравляю! Прости, устала, все, надо спать, завтра в путь.

Такой бурной тирадой, Илья, кажется, был удивлен и даже растерян.

Ника выключила телефон, спрятала его в тумбочку, закрыла глаза, блаженно вытянула гудевшие ноги. И снова улыбнулась.

Потому, что у нее сейчас намечалась новая жизнь. В смысле – своя.

И, если по правде, она от Ильи ничего и не ждет.

Честное слово – не ждет. И так слишком много счастья, не правда ли? Или слишком много счастья не бывает, просто бывает счастье – и все?

И еще – это ее секрет. Ее, и только ее. Нет, ну, конечно, и мамин, их секрет на двоих, они с мамой семья.

На тумбочке стояла синяя черепаха.

Ника ей кивнула:

– Ну что? Начинается новая жизнь? Это и есть твой сюрприз, дорогая? Но как же хочется домой, господи! Как хочется к маме!

Вся ее прошлая жизнь, с обидами и унижением, страхами и огорчениями, с тоской и печалью, с их с Ильей взаимными претензиями и недовольством друг другом, с ее комплексами и ревностью, с его невниманием и непониманием, его слабостями, показалась Нике такой чепухой, чем-то таким незначительным, неважным и неглавным, что она удивилась самой себе: как она могла так жить и считать, что все это нормально?

«Я тебя не держу. Я тебя отпускаю. Потому что все, что нужно для счастья, у меня уже, кажется, есть».

Девять дней в октябре

Конечно, домашний телефон надо было отключить. Сейчас даже непонятно, как мы жили без мобильных телефонов – этого чуда конца двадцатого века? А ведь жили! И кстати, неплохо жили.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Б. Пастернак. Венеция.

2

П. А. Вяземский. Венеция.

3

А. Ахматова. Венеция.

4

А. Блок. «Холодный ветер от лагуны...»

5

И. Бунин. «Колоколов средневековый...»

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mariya-metlickaya/ya-tebya-otpuskayu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)